

Est.1994

JCL

Journal of the College of Languages

Open Free Access, Peer Reviewed Research Journal

<http://jcolang.uobaghdad.edu.iq>

P-ISSN: 2074-9279

E-ISSN: 2520-3517

2019, No.(40)

Pg.59-70

**Жанровые Особенности Ремейка
(На Материале Романа Е. Попова «Накануне Накануне»)**

**Artistic Features Of Re-Writing The Novel "On The Eve, on
The Eve" By Yevgueni Bobov: As an Example**

Inst. Hussein Ali Khudhair: hu250230@gmail.com

University of Baghdad, College of Languages, Department of Russian
Language

(Received on 22/11/2018 - Accepted on 23/12/2018 – Published on 2/6/2019)

Abstract

The paper tackles two topics. The first is about the term " Ремейк" which is very common in contemporary Russian literature; it has counterparts such as " Обработка" and " Переделка", where these two may indicate any of the following meanings (remake, reformulate, rewrite, treatment, modification, change). It has been shown that this term does not have a stable definition. Also, the role of this term in literary studies has been mentioned along with how it has come to its peak of use in post-modern literature.

The second is that I have taken a sample of well-known works in Russian literature " On the Eve, On the Eve " by the contemporary Russian writer Yevgueni Bobov, and shown the effort of the writer in re-thinking about the novel "On the Eve" by the classical Russian writer Ivan Turgenev. The main theme in both is love towards Russia, and I have shown that the common factor in both is the unchanged names of the characters. At the same time, the satirical parody is not seen as the dominating theme in the text; it is a principal basis in the organizing the text as to the structure of the them and of the character. It is seen as an essential element in the artistic world of the novel, which is built within post-modernity. Moreover, the meaning therein, is not dependent extensively upon parody, for it changes narration to a repeated artistic style.

Key words: Artistic Features, Ремейк, Parody, Yevgueni Bobov; Ivan Turgenev, "On the Eve, On the Eve", Textuality.

**Жанровые Особенности Ремейка
(На Материале Романа Е. Попова «Накануне Накануне»)**

**Аль Шувайли Хуссейн Али
Кудхир, преподаватель
Багдадский университет
Факультет языков
Кафедра русского языка**

Аннотация

В статье рассматривается слово «Ремейк», термин который, широко используемый в современной русской литературе. Ремейк является синонимом «Обработка» и «Переделка». Несмотря на то, что «Ремейк» не имеет устойчивого определения, но тут была указана роль этого термина, и его функционирование в постмодернистской русской литературе. Это во-первых. Во-вторых, для того, чтобы показать усилия автора переосмыслить роман « Накануне » классического русского писателя Ивана Тургенева, мы взяли для этого образец знаменитого произведения в русской литературе современного русского писателя Евгений Попов «Накануне, Накануне ».

Как известно, что тема любви к России и неизменных персонажей героев- как общий фактор, доминируют в обоих романах. При это, сатирическая пародия не воспринимается в качестве доминирующей темы в тексте; а она будет главным фактором для образования текста относительно структуры его. Она замечена как существенный элемент в художественном мире романа, который построен в рамках постмодернизма. Более того, семантические значение текста не зависит в значительной степени от пародии, поскольку оно меняет повествование на повторяющийся художественный стиль.

Ключевые слова: жанровые особенности термина«Ремейк», пародия, Евгений Попов, Иван Тургенев, "накануне накануне", текстуальность.

В минувшие десятилетия к римейку направились многочисленные беллетристы, относящиеся к различным поколениям и реализующие в собственных работах различные стилевые концепции: реалистическую, постмодернистскую, неосентименталистскую. С нашей точки зрения, римейк в настоящий период отображает значимые и мало выученные направленности образного розыска. В современной литературе ремейк обретает все без исключения значительную, то что объясняет значимость исследования данного парадокса.

Точного определения ремейка в литературоведении не существует. Этот термин не представлен в общепризнанных словарях и энциклопедиях. Он воспринимается как новый, непривычный, что выражается, в частности, в том, что в научных работах данное обозначение берется в кавычки [3, с. 406] с целью обозначения термина ремейк зачастую предоставляются определения «обработка» и «переделка». Их используют согласно текстам разных эпох, обладающим свое определенное назначение и цели. Но, как отмечают ученые, эти термины не обладают устоявшейся дефиниции.

Необходимо выделить, то что в большей степени исследуются единичные функции ремейка в контексте единых, массовых действий, совершающих в литературе. К примеру, А. Е. Нямцу в собственных работах применяет определение «обработка». Явление римейка возможно анализировать с воззрению одной с устоявшихся конфигураций традиционализации классического мифологического и литературного материала, а кроме того наравне с иными конфигурациями – продолжениями, апокрифизацией, формированием мнимых рукописей, литературных и авторских мифов. А. Нямцу отмечает: «*Обработка* приобретает особое распространение именно в литературе 20 века, особенно рубежа 20-21 столетий, и отличается своей спецификой» [6, с. 12–13.].

Современная наука стоит на пути решения этих задач, но пока этот вопрос остается открытым. Одним из главных вопросов современного литературоведения, согласно нашему мнению, можно считать следующий: является ли ремейк порождением только нынешней культуры? вероятно, в взаимосвязи с данным термин еще не мог устояться. необходимо выделить, то что несколько литературоведов клонится к данному мнению, представляя в ремейке воплощение только общественной культуры в ее переломных направленностях [5]. согласно мнению других исследователей, расцвет такого яркого явления, как ремейк, можно соотнести с постмодернистским этапом в развитии литературы [10]. В случае большинство произведений рассматриваются

именно как постмодернистские, под знаком деконструкции, воплощением которой и мыслится любая переработка классики.

Нужно отметить, что уже само имя И. С. Тургенева в памяти русского общества ассоциируется с типом «тургеневской девушки» и понятием «дворянское гнездо». Тургенев задался не простым вопросом своего времени: какие социальные слои будут порождать «новых людей»? Писатель чувствовал резкий недостаток героя, который будет энергичным, активным, готовым к упрямой борьбе. «Грозовые» 60-е гг. XIX в. требовали именно таких – им доводилось заменять героев рудинского типа, которые не имели возможность передаваться от текстов к занятию. В это время сосед Тургенева, который поехал в Крым, презентовал писателю рукопись автобиографической повести, одним из героев которой был молодой революционер из Болгарии [1].

Николай Димитров Катранов, который родился в 1829 г. в болгарском городе Свиштов, стал моделью главного героя романа «Накануне». В 1848 г. приехал в Россию молоденький болгар и поступил в Московский университет. Война Россия с Турцией, которая началась в 1853 г., возбудила революционные настроения среди балканских славян, которые давным-давно сражались за освобождение от турецкого ига. Вместе с русской женой Ларисой уехал на родину, но вспышка туберкулеза заставила их уехать на лечение в Венецию, где он заболел простудой и умер.

В романе Е. Попова роль Инсарова данна Инсахорову. Фамилия героя должно быть производна от фамилий Сахарова и Инсарова, роль Елены – Русе. Здесь прототипы героев легко угадываться. В произведении Попова сильны пародийные интонации. Автор использует образ-маску Евгения Анатольевича, который *«в последнее время совершенно ничего не делал, ел, пил и навряд ли даже думал, а если и думал, то берег свои мысли про себя»* [7].

И. С. Тургенев закладывает в роман кроме социального сюжета и философский подтекст. В начале романа появляется спор между Шубином и Берсеновым о понимании счастья и долга. Шубин и Берсенов соглашаются на одну вещь : каждый хочет личного счастья для себя, человек действительно счастлив, когда объединяются понятия «родина», «справедливость» и «любовь», но не «любовь-наслаждение», а «любовь-жертва».

Любовь Елены и Дмитрия соединяет личное и общественное, что она вдохновлена высшую цель. Но герои романа всегда не

оставляют чувство невыполнимости своего счастья, они не могут освободиться от чувства вины перед родственниками, от страха будущего воздаяния за свою любовь. Почему зарождается такое чувство? Интересно, что роман Попова с первых же строк начинается свою «ироничную переключку» с тургеневскими строками: *«В тени развесистой липы, на берегу Штарнбергерзее, недалеко от Мюнхена, в один из самых жарких дней неизвестно какого года лежали на траве два не совсем молодых человека»* [7].

У Тургенева Елена не может решить для себя фатальное дело: может ли она соединить великое дело с печалью матери, которая осталась одна после ухода единственной дочери? Она не нашла ответа на это дело, в особенности ее любовь к Инсарову приводит к прекращению отношений с родиной – с Россией. Инсаров томится от этого дела: может быть, его расстройство здоровья послано ему в воздаяние? Таким образом, общее дело и любовь будут несовместимы. Инсаров страдает от мучительного раздвоения, источником которого является любовь к русской девушке Елене.

У Попова судьба России аллегорично решается через выбор Русей возлюбленного. В конце романа Е. Попов указывает на последнее письмо Руси, в котором говорится, что СССР, СНГ больше нет, *«есть опять Россия. Перевели часы совсем куда-то. Россия теперь не красная, а она теперь вся белая»* [7]. Больше никаких новостей о Русе и крошечном Инсахарове. Так, А. Марченко отмечает: «Ясно одно! Е. Попова новый русский вопрос озаботил раньше, чем нас с вами, недаром же он сначала оборотил своего Инсахарова (по сюжетной раскладке в «Накануне II» Андрон один из действующих лиц, который чудесно сумел сохранить в свой целостности, так сказать, литгенофонд) в младенца, чуть ли не эмбриона. А затем, который приставил к нему в качестве «мамки» Русю-Елену, исчезал в известном месте, «в районе озера Волго», а нас, чтобы не искали, – уведомил: «И Руся и Инсахаров исчезли навсегда и безвозвратно» [11].

В романе «Накануне», герой Инсарова – «железный человек», который имеет известные свойства: у него есть сильная воля, упорный и решительный человек, он может овладеть собой.

Елена Стахова - Главная героиня романа, она не имела возможность устроить выбор: ее избранником может стать и молодой ученый Алексей Берснев, и неопытный скульптор, дальний родственник матери, Павел Шубин, и успешно начинающий карьеру на государственной службе чиновник Егор Курнатовский, а также человек гражданского долга, Дмитрий Инсаров – этот болгарский

революционер. При данном социально-бытовой сюжет получает скрытый смысл текста: Елена Стахова воплощает в себе молодую Россию, которую находится «накануне» грядущих изменений. Писатель таким образом разрешает важнейшее дело: кто сейчас нуждается в России больше всего? Художники или ученые, ответственные люди или героические характеры, которые посвятили жизнь служению родине? Своим выбором Елена дает четкий ответ на вопрос, важнейший для России 60-х гг. [2].

Интересно отметить, что Н. Добролюбов в статье о «Настоящем дне» противопоставил задачи «русских инсаровых» той программе, которую изобразил Тургенев в романе. Статья противоречила всеми убеждениям Тургенева. Хотя Тургенев сообщил Н. Некрасову не печатать эту статью, все же она была опубликована. В то время Тургенев бросил редакцию «Современника» навсегда.

Претерпевает модификацию и система образов: содержательно она работает на создание метафорического пространства истории, в котором действуют герои-маски. Персонажи романа И. Тургенева не просто помещаются Поповым в иные исторические и социально-политические условия, как это вытекает из логики ремейка, они словно надевают маски известных общественных деятелей 20 столетия или замещаются историко-топографическими образами: Берсенев – Ленин, Шубин – Горбачев, Инсаров – Сахаров, Елена – Россия на пороге перемен. Ее отец – *«Николай Романович порядочно говорил по-немецки и по-английски, любил водку, пирожки с рубленным яйцом и зеленым луком. В жизни его действительно была какая-то тайна, в этом были уверены все, кто его хоть немного знал <...> Родственников у него в обозримом пространстве не имелось, хотя он иногда намекал в высшем обществе, что у него есть внук, писатель, живущий в СССР на Байкале в одинокой избушке, скрываясь от коммунистов. «Да я и сам, почитай, сибирский глобтроттер», [7]* – николаевская Россия. Причем окрашены эти образы-схемы в пародийно-иронические тона. Ярко вырисовывается фигура *«откормленного пролетария»* Михаила Сидоровича, образ Владимира Лукича с его *«доброй идиотической улыбкой»* или теперешней, современной автору России-Руси, *«ей недавно минул двадцатый год. Росту она была более чем высокого, лицо имела бледное, имелись у нее также большие голубые глаза, лоб, нос, рот и подбородок.<...>Она росла очень странно: сперва обожала отца, монархию, потом страстно привязалась к матери, американизовалась, космополитизировалась, много говорила о «правах человека». [7].*

Мы полагаем, что в таком контексте современный ремейк также можно рассматривать как следствие определенных стратегий. В частности, стремления современных драматургов к актуализации классики, к деконструкции, адаптации, переделке образцов. Отметим, что в немногочисленных и предварительных определениях ремейка, которые сейчас дают ученые, он рассматривается и как жанр, и как форма, и как стратегия – свидетельство того, что общая позиция пока не сложилась.

Надо указать на понятие жанра: «Жанр определяется не только совокупностью поэтических норм, но и совокупностью кодификаций, призванных осведомлять о характере реальности, которая воссоздается текстом, и действий, определяющих степень подобия. Жанр – а для читателя (зрителя) это выбор способа прочтения в соответствии с законами того или иного жанра – немедленно осведомляет об изображаемом мире, определяет «шкалу» его восприятия, «условия контракта», заключаемого между читателем и текстом. Определив жанр текста, читатель вправе ожидать соответствия текста неким ожиданиям; появления заданных образов, которые кодифицируют и упрощают восприятие реальности и позволяют автору, не распространяясь о «правилах игры», удовлетворить ожидания и превзойти их, отклоняясь от канонической модели» [8, с. 1081].

В этом плане читатель ожидает от ремейка узнавания переделываемого классического текста и осознания очевидных различий, «сдвигов» в авторском прочтении, что в результате должно привести к пониманию цели предпринятой автором переработки. Исследователи в области ремейка, которые столкнулись с актуализацией ремейка, употребят, как правило, его рабочие определения. Таким образом, С. Я. Гончарова-Грабовская придаёт термину довольно широкий смысл – «пьесы, написанные по мотивам известных произведений» [4]. При этом не устанавливается допустимая мера близости к классическому тексту и отличия ремейка от феномена интертекстуальности.

определения ремейка у авторов подвергают сомнения учеными, и они были квалифицированы – как жанра, форму или конкретную стратегию современного искусства. Показательны размышления Е. Г. Тарасевича. С одной стороны, ремейк рассматривается как форма «интерпретации» классических произведений, с другой – как «художественный прием деконструкции известных классических сюжетов художественных произведений, в которых авторы по-новому воссоздают, переосмысливают, развивают или обыгрывают его на уровне жанра, сюжета, идеи, проблематики, героев» [9, с. 68]. Слово деконструкция

употребляется в связи с тем, что ремейк трактуется как порождение постмодернизма.

Таким образом, роман Е. Попова «Накануне накануне» не ремейк в сложившемся на данный момент классическом понимании, а скорее постмодернистский роман-пастиш – жанрообразующие признаки традиционного ремейка претерпевают трансформацию. Роман Е. Попова не нацелен на сознательное упрощение претекста, хотя сюжетно он и пересекается с романом И. Тургенева; точки их соприкосновения не рожают новое актуальное содержание, а скорее отрицают, пародируют саму ситуацию, событие или характер героя; персонажи «Накануне накануне» мыслятся схемами, куклами на театральных подмостках, они поданы в ироническом ключе и лишены глубокого психологического содержания. Главное, Е. Попов концептуально переворачивает замысел И. Тургенева: если великий классик писал о грядущих переменах, то известный постмодернист, ориентируясь на категорию тотальной пустоты и неопределенности настоящего, отсутствие какой бы то ни было аксиологической базы современности, создал произведение, констатирующее невозможность, тщетность таких стремлений.

Список литературы

1. Аюпов, С. М. Эволюция тургеневского романа 1856-1862 гг.: Соотношение метафизического и конкретно-исторического. Казань, 2001. 414 с.
2. Винникова, Г.Э. Тургенев и Россия / Г. Э. Винникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Советская Россия, 1977. 447 с.
3. Волков, А. Переробка // Лексикон загального та порівняльного літературознавства. Чернівці: Золоті літаври, 2001. 636 с.
4. Гончарова-Грабовская С.Я. Комедия в русской драматургии конца XX – начала XXI века : уч. пос. М. : Флинта; Наука, 2006. 280 с.
5. Золотоносов, М. Игра в классики: римейк как феномен новейшей культуры // Московские новости. 2002. 27 августа.
6. Нямцу, А. Е. Миф. Легенда. Литература (Теоретические аспекты функционирования). Черновцы : Черновицкий национальный ун-т им. Ю. Федьковича; Научно-исследовательский центр «Библия и культура», 2007. 520 с.
7. Попов, Е. «Накануне накануне» [Электронный ресурс] <http://e-libra.ru/read/200016-restoran-berezka-sbornik.html> (дата обращения: 25.04.2016).
8. Семенов, В. Г. Травестия // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М. : Интелвак, 2001. С. 1079–1081.
9. Тарасевич, Е. Г. Римейк в современной русской драматургии // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания : материалы международной науч.-практ. конф. Пермь : Пермский гос. педагог. ун-т, 2003.
10. Эко, У. Инновация и повторение // Философия постмодернизма. Мн. : Красико-принт, 1996.
11. Марченко, А. И духовно навеки почил? // Новый мир. 1995. № 8. [Электронный ресурс] http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/8/marchen.html (дата обращения: 01.05.2016).

References

1. Ayupov, S. M. the Evolution of Turgenev's novel 1856-1862.: the Ratio between the metaphysical and the concrete-historical. Kazan, 2001. 414 p.
2. Vinnikov, G. E. Turgenev and Russia / G. E. Vinnikov. 2-e Izd.]. Moscow : Soviet Russia, 1977. 447 p.
3. Volkov, A. Pererobka // Lexicon of the General Perevalnogo taratorskoto. Chernus: Zolot Iture, 2001. 636 p.
4. Goncharova-Grabovskaya S. Y. Comedy in Russian drama of the late twentieth and early twenty – first century : Uch. POS. M. : Flinta; Nauka, 2006. 280 p.
5. Zolotonosov, M. hopscotch: a remake as the latest phenomenon of culture // Moscow news. 2002. August 27.
6. The Neamt, A. E. Myth. Legend. Literature (Theoretical aspartylphenylalanine). Chernivtsi : Chernivtsi national University im. Fedkovych; research centre "Bible and culture", 2007. 520 p.
7. Popov, E. "on the Eve of the eve" [Electronic resource] <http://e-libra.ru/read/200016-restoran-berezka-sbornik.html> (date accessed: 25.04.2016).
8. Semenov, V. G. Travesty // Literary encyclopedia of terms and concepts. M : Intelvak, 2001. P. 1079-1081.
9. Tarasevich, E. G. the Remake in contemporary Russian drama // Modern Russian literature: problems of learning and teaching : materials of the international scientific.scient. Conf. Perm : Perm state teacher. Univ, 2003.
10. Eco, U. Innovation and repetition // the Philosophy of postmodernism. Meganewton. : Krasiko-print, 1996.
11. Marchenko, A. And spiritually ever slept? // New world. 1995. No. 8. [Electronic resource] http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/8/marchen.html (date of application: 01.05.2016).

" الخصائص الفنية لإعادة كتابة رواية (في العشيّة في العشيّة) للكاتب يفغيني بوبوف انموذجاً "

م. حسين علي خضير بهاري

جامعة بغداد / كلية اللغات / قسم اللغة الروسية

خلاصة البحث

يناقش البحث موضوعين: الاول، هو مصطلح (Ремейк) هو مصطلح شائع في الادب الروسي المعاصرة، يقابله في اللغة الروسية (обработка) و (переделка). وهذان المصطلحان يأخذان المعاني الآتية: (إعادة العمل او الصياغة او الكتابة، معالجة، تعديل، تغير) وقد بينت أن هذا المصطلح ليس له تعريف ثابت، وقد أشرنا الى دور هذا المصطلح في الدراسات الأدبية، وكيف بلغت ذروة استخدامه في مرحلة ما بعد الحداثة.

الثاني: اخذت أنموذج من الأعمال المعروفة في الأدب الروسي وهي رواية (في العشيّة في العشيّة) للكاتب الروسي المعاصر يفغيني بوبوف، وبيان جُهد هذا المؤلف على إعادة التفكير في موضوع رواية (في العشيّة) للكاتب الروسي الكلاسيكي المعروف ايفان تورغينيف، والشيء الرئيس في هاتين الروايتين هو: مسألة الحب اتجاه روسيا، وقد أشرت إلى العامل المشترك بين هاتين الروايتين هو بقاء أسماء الشخصيات بلا تغيير تقريباً، والرواية بطبيعتها تهدف الى النص الكلاسيكي وتبسيطه، وفي الوقت نفسه، لا تعد المحاكاة الهجائية الفكرة المهيمنة في النص ولا تشكل رواية يفغيني بوبوف محاكاة هجائية مجردة، بل تعد مبدأً رئيساً لتنظيم مادة النص بدءاً من الجانب التركيبي للموضوع وانتهاءً بنظام الشخصية، وتعد عنصراً مهماً أيضاً من ناحية العالم الفني للرواية الذي تم إنشاؤه في إطار أنموذج ما بعد الحداثة. زد على ذلك أن المعنى الدلالي للنص لا يتوفر على عنصر المحاكاة الهجائية بشكل مستفيض، إذ إنه يحول الخطاب السردى إلى أسلوب فني متكرر.

الكلمات المفتاحية: الخصائص الفنية للمصطلح (Ремейк)، محاكاة هجائية، يفغيني بوبوف، ايفان تورغينيف، رواية (في العشيّة في العشيّة)، التناص.

Сведения об авторе

Аль Шувайли Хуссейн Али Кудхир, преподаватель на кафедре русского языка факультета языков, Багдадский университет, Республика Ирак.

Электронная почта: hu250230@gmail.com

Information about the author

**Inst. Hussein Ali Khudhair, Dept. of Russian, College of Languages,
University of Baghdad , Republic of Iraq.**

Email: hu250230@gmail.com